

▶ **МАЛЬЦЕВ Александр Андреевич**
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры мировой экономики

**Уральский государственный
экономический университет**
620144, РФ, г. Екатеринбург,
ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45
Тел.: (343) 251-96-10
E-mail: almalzev@mail.ru

Ключевые слова

МЕТОДОЛОГИЯ

РЕЛЯТИВИЗМ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Аннотация

На фоне развития мирового хозяйства проанализирована эволюция трактовки экономико-исторического процесса в интерпретации представителей различных научных школ. Сгруппированы основные методологические подходы к анализу содержательного наполнения явления «социально-экономическое развитие». Установлена технико-экономическая обусловленность девальвации линейно-поступательной интерпретации социально-экономической динамики.

JEL classification

N00, O10

Технико-институциональные аспекты эволюции трактовки экономико-исторического процесса*

«Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [11. С. 9]. Именно этот принципиальный тезис К. Маркса, онтологические корни которого восходят еще к трудам А. Смита и Ж.-А. Кондорсе, стал методологической сердцевиной линейного подхода к анализу социально-экономических систем. Его основу составляет рассмотрение процесса развития как последовательного перехода от архаики к современности [29]. Линейная трактовка исторического процесса в последующем подвергалась активной критике, прежде всего сторонниками шumpетерианской концепции «перепрыгивания» [40], допускающей возможность «перешагивания» отдельными странами через одну или несколько стадий роста. Тем не менее даже принадлежащие к диаметрально противоположным научным школам специалисты сходятся в том, что при всем разнообразии возможных траекторий социально-экономического развития конечным его пунктом становится достижение состояния модерна [4. С. 77].

Единым знаменателем, объединяющим разные подходы к выявлению причин «второй экономической революции» [50], на характеристике которых мы не будем задерживаться отдельно, вне зависимости от пространственно-временных координат и выделяемых экспертами факторов, нарушивших «экономическую нормальность» доиндустриального мира, выступает представление явления развития в форме необратимого долгосрочного роста, генерируемого совершенствованием производительных сил, оказывающим революционизирующее воздействие на институциональную структуру общества. Впрочем, эпистемологические основания подобной прогрессистской трактовки экономико-исторического

процесса формировались далеко не сразу и стали достоянием только Нового времени. В обобщенном виде эволюцию концепций, оценивающих вектор направленности хозяйственного развития, можно представить в виде парадигмальной трихотомии: цикличность – регресс – прогресс.

Начнем разговор с рассмотрения циклично-волновой интерпретации общественно-исторической динамики, зародившейся в ходе эволюции аграрного общества. Базовой характеристикой его экономического роста выступает зависимость от убывающей отдачи в сельском хозяйстве, обуславливающей постоянное срабатывание «железного закона народонаселения» Т. Мальтуса, согласно которому число жителей увеличивается в геометрической прогрессии, а сборы урожая – в арифметической. Появившиеся после Неолитической революции стационарные формы общественного устройства, отстраивавшиеся вокруг организованного земледелия, способного обеспечить продуктами питания большее количество людей, чем присваивающий принцип производства, характерный для малочисленного, мобильного общества охотников-собирателей, дали толчок демографическому буму, когда население мира за 10000–500 гг. до н.э. возросло в 25 раз – с 4 до 100 млн чел. [45. Р. 683]. При этом развитие агротехнологий «не успевало» за ростом численности Земли. Как результат – регулярные вспышки голода, эпидемий, увеличение числа крестьянских восстаний, приводившие к сокращению численности населения и потенциальных рекрутов – основы могущества цивилизации в мальтузианском режиме роста [52. Р. 10]. По большому счету, единственным способом преодоления ресурсных ограничений в доиндустриальную эпоху выступало расширение площади страны и сохранение под своим контролем новых зе-

* Статья подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по лоту № 16.740.11.0696 «Компаративный анализ модернизационных стратегий в мировой экономической практике».

The Technical-Institutional Aspects of Evolution of Economic-Historical Process Interpretation

мель. С их освоением, по мере снижения плодородия почв, следовала очередная волна территориальной экспансии. Естественно, в таком контексте главной задачей бюрократии, появившейся для координации совместной деятельности земледельцев, становилось содержание требовавшей надежного снабжения продовольствием армии, для чего государственный аппарат выстраивал централизованную систему изъятия сельскохозяйственных ресурсов. Столь же очевидно, что попытки внедрения агротехнических инноваций – по данным профессора Калифорнийского университета в Беркли К. Чиппола, «в районе 2500 г. до н.э. технологический прогресс практически остановился, и в течение последующих трех тысячелетий имели место лишь незначительные улучшения» [27. Р. 167], – блокировались населением из-за опасности отчуждения еще большего объема прибавочного (нередко и части необходимого) продукта со стороны лиц, не причастных к процессу его непосредственного производства. «Когда мы иной раз слышим о будто бы новых порядках в землевладении, – писал М. Вебер, характеризуя быт Древнего мира, – то речь идет, несомненно, о новых порядках обложения повинностями» [5. С. 167].

Кроме того, попытки выхода из мальтузианской ловушки через повышение уровня производительности труда наталкивались на необходимость демонстрации общинных институтов, обеспечивавших относительное равенство в распределении скудных средств жизнеобеспечения, что в условиях преобладания примитивных орудий производства гарантировало выживание социума, но вместе с тем консервировало бедность и связанную с ней хроническую недоинвестированность экономики, тормозя раскручивание механизма хозяйственного развития. Дело в том, что эксперименты с наращиванием капиталовооруженности грозили ростом имущественной поляризации, подрывом основ хрупкого социального консенсу-

са и, в конечном счете, ростом смертности и снижением рождаемости. Как итог, демографическое сжатие обрекло страну-«инноватора» на поражение в военных конфликтах с захватчиками, представлявшими более традиционные общества [14].

По мнению современных экспертов, видение истории как процесса перманентного кругооборота восходит к месопотамской мифологии и датируется поздним Каменным веком (приблизительно 2500 лет до н.э.). В его основе лежит астрономическая метафора солнечных циклов, фаз луны, этапов жизни растений и смены времен года. В сакрализованной форме это представление нашло яркое выражение в шумеро-аккадском эпосе о сотворении мира «Энума элиш», где персонифицировавший солнце и олицетворявший хороший урожай бог Мардук расправился с владычествовавшей над соленой водой богиней Тиамат и создал из ее тела Вселенную. Однако победа благоволивших людям высших сил над стихией на этом не закончилась – в космогонии Междуречья для поддержания мироздания Мардуку приходилось ежегодно сражаться с до конца не умерщвленной покровительницей хаоса. Фактически эта же идея нашла отражение в угаритской теогонии о Баале и Моте, когда бог плодородия побеждает бога засухи и эта битва повторяется каждый год [24. Р. 53–54]. Вера в циклические катастрофы пронизывала и верования древних египтян, кристаллизуясь в легенде об утреннем «рождении» и вечерней «смерти» бога-солнца Ра, который вместе с путешествовавшей с ним по Нилу в Ладье вечности свитой еженощно отражал атаки змея Апопа, пытавшегося выпить из реки всю воду и не допустить воскрешение светила. В случае победы мрака над светом наступали неурожай, штормы и землетрясения, а если «рептилии» удавалось проглотить лодку – солнечные затмения [41. Р. 30].

Мир античного стоицизма аналогично функционировал в рамках маятнико-

▶ **Aleksandr A. MALTSEV**
*Cand. Sc. (Ec.), Assistant-Prof.
of Global Economy Dept.*

**Urals State University of Economics
620144, RF, Yekaterinburg,
ul. 8 Marta/Narodnoy Voli, 62/45
Phone: (343) 251-96-10
E-mail: almalzev@mail.ru**

Key words

METHODOLOGY

RELATIVISM

SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT

Summary

The evolution of economic-historical process in the interpretation of representatives of various schools of thought is seen against the background of the global economy development. The key methodological approaches to the analysis of the social-economic development phenomenon are systematized. The technical-economic determinant of linear-progressive interpretation of social-economic dynamic devaluation is revealed.

JEL classification

N00, O10

вой динамики и имел выраженный «сельскохозяйственный» подтекст. Исходным пунктом учения последователей Зенона Китийского (346/333–264/262 гг. до н.э.) стала мысль о генезисе Вселенной из огня и систематически повторяющемся возвращении мира в лоно первоматерии. Этот процесс схематически можно представить следующим образом: пламя превращается в испарения, которые, по мысли древних эллинов, служат «топливом» для солнца, однако по мере исчерпания влаги происходит затухание звезды, питающей энергией земную жизнь, за которым следует «Великий год», когда в огне космического пожара гибнет весь универсум и цикл мироздания начинается вновь на основе огненного протосубстрата [42. Р. 92–93]. При этом, с точки зрения стоиков, каждая новая веха в истории человечества в точности копирует предыдущую, а любое изменение сложившегося порядка вещей табуируется в силу божественного характера их происхождения [62. Р. 23]. Кстати, в книге Екклесиаста, древнееврейской своеобразной параллели современной ему философии стоицизма, центральной является идея бесконечного циклического движения первосубстанций (солнца, ветра и воды), где нет места для усовершенствования социума [35. Р. 165]. В частности, человек должен довольствоваться получением удовольствия от текущего положения вещей. Как сказано в главе «Неизбежный суд»: «иди, ешь с весельем хлеб твой и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволит к делам твоим ... потому что это – доля твоя в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем».

Утверждение в качестве доминанты западной общественной мысли пессимистичной интерпретации экономико-исторического процесса в духе все большего отдаления от «золотого века» и неуклонной деградации общества также имело под собой релятивистскую основу, predetermined процессом замещения общественно-экономических укладов, когда зарождавшиеся институты феодального общества оказывались неспособны обеспечить уровень жизни населения, сопоставимый с эпохой рабовладения. Так, за первое тысячелетие нашей эры среднедушевой ВВП в Западной Европе снизился втрое (с 1284 дол. [26] до 427 дол. [46. Р. 70]), а средняя продолжительность жизни – на 1/5 (с 25 [37. Р. 281] до 20 лет [16. Р. 119]). Истоки данного социально-экономического коллапса, по-видимому, следует

искать еще в позднеэллинистическом Риме, где постоянные завоевательные войны, открывшие перед знатью источник дешевой рабочей силы рабов, потребовали наращивания налогового бремени, обернувшегося резким усилением центробежных процессов и деурбанизацией государства. Это стало причиной замыкания хозяйственной деятельности в границах автаркичного поместья и разрушения внутриимперской системы разделения труда [20. Р. 287–304]. В свою очередь, децентрализация позднеантичной экономики и расстройство рыночных отношений привели к дроблению земельных владений, делая тем самым неэффективным использование технологических нововведений, что неизбежно ударило по первооснове аграрной экономики – производству зерновых, чья урожайность упала с сам-4 до сам-2 [17]. Вполне естественно, что необходимость резервировать половину собранного урожая в качестве посадочного материала усиливала зависимость средневекового крестьянина от любых природных катаклизмов. Если к этому добавить, что на 250–750 гг. пришелся период так называемого климатического пессимума, когда среднегодовая температура снизилась на 1,5°C, на большей части Северо-Западной Европы стало практически невозможным выращивание винограда и злаков, а участвовавшие наводнения и ливневые дожди затруднили хранение продовольственных запасов на Юге Европейского континента [22. Р. 65–70], то историографический термин «Темные века», используемый для характеристики раннего Средневековья, приобретает совсем не метафоричный оттенок.

Кроме того, истощенные от хронического недоедания люди – даже в XVII столетии уровень среднедушевого потребления пшеницы в столице Испании Мадриде (120 кг [38. Р. 259; 53]) практически в 1,5 раза уступал аналогичному показателю Римской империи I века н.э. (175 кг [58. Р. 9]) – становились легкой жертвой эпидемий, в частности чумы, унесшей за 541–700 гг. жизни 60% населения Старого Света [28. Р. 372]. Ослабленная системным кризисом и обезлюдившая Западная Европа превратилась в объект постоянных нападений со стороны норманнов, мадьяр и славян. Эрозия налоговой базы не позволяла мобилизовать необходимые объемы финансовых ресурсов для организации централизованного сопротивления захватчикам, форсируя тем самым форми-

рование дисперсной, отстраивавшейся вокруг замков феодальной структуры, в которой происходил своеобразный обмен защитных услуг, оказываемых владельцем крепости – рыцарем, на продукты питания, производимые крестьянами. В такой политико-экономической конфигурации девальвировалась ценность сельскохозяйственных угодий, расположенных далеко за пределами фортификационного сооружения. Как итог, к IX веку во Франции пустовало 1/2, в Англии и Италии – 4/5 всех земель [5. С. 224]. Вместе с тем необходимость обеспечения основной ударной силы каролингских войск – тяжелой кавалерии – дорогостоящими оружием и лошадьми вынуждала феодалов усиливать налоговый гнет сельского населения [48. Р. 19]. Данное обстоятельство вкупе с хроническими неурожаями толкали крестьян на бегство с земли, провоцировали частые восстания, грабежи и разбои, сотрясавшие и без того неустойчивый социально-экономический строй Европы VI–X столетий. В таком контексте вполне объяснимо, что нестабильность настоящего и кажущаяся бесперспективность будущего предопределяли, с точки зрения мировоззрения раннего Средневековья, необходимость возврата к традиции, требовали консервации остатков прошлого и вели к блокированию инноваций, рассматривавшихся как однозначное искажение завещанного более совершенными праотцами жизненного уклада. Другими словами, уход от благочестия предков отодвигал начало процессов обновления мира и обрекал человечество на продолжение страданий. Позднее эта концепция трансформировалась в твердое убеждение о том, что «мир страдает от постоянной деградации» [61].

Пожалуй, наиболее ярко приверженность к архаике воплотилась в постановлении римского сената 92 г. до н.э., гласившего: «новшества, противные обычаям и нравам наших предков, нам не нравятся и не представляются правильными». В трудах древнеримского поэта Горация (65–8 гг. до н.э.), чье творчество пришлось на череду гражданских войн конца республики, также присутствует идея о необратимом общественном регрессе: «чего не портит пагубный бег времен? Ведь хуже дедов наши родители, мы хуже их, а наши дети и внуки будут еще порочнее» [9. С. 24]. Эта мысль получила продолжение в христианстве, где вся история человечества представляется как об-

ратное движение, начавшееся с изгнания грешников из Эдемского сада и заканчивающееся Апокалипсисом. При этом деградация людей иногда требует прямого вмешательства высших сил для восстановления поколебавшихся устоев, реализуемого через уничтожение «испорченного» мира и создание нового посредством Всемирного потопа и Вавилонского столпотворения. Разумеется, творческая инициатива в этих процессах принадлежит Всевышнему, в то время как человек становится пассивным исполнителем Божественного замысла с заданной «программой» действий [3. С. 55]: «А кого Он (Бог. – А.М.) предопределил, – учил апостол Павел, – тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал, а кого оправдал, тех и прославил» [2].

Между тем к XIII столетию фатально провиденциалистская историософия, рассматривавшая процесс социальных изменений как движение от Божественной гармонии к хаосу, а индивида – лишь как послушное орудие в руках высших сил, претерпела серьезную ревизию. Очередная модификация мировоззренческих позиций совпала с изменением хозяйственной среды. Пандемическое «затишье» в купе с оформлением контуров централизованных государств, снизивших накал феодальных междоусобиц, дали толчок росту населения. Распространение трехпольного севооборота, использование тяжелого плуга, внедрение хомута и подков способствовали повышению производительности труда [64. Р. 17], заложив тем самым основы производства прибавочного продукта. Последнее обстоятельство открыло дорогу процессам углубления разделения труда (отделению ремесла от сельского хозяйства), расширению торговли и становлению городов [19. Р. 94], превратившихся в стартовые площадки для «обкатки» протокапиталистического уклада [6. С. 105].

Этот всплеск социально-экономического оптимизма нашел наиболее яркое теоретическое оформление в работах авторитетного религиозного философа, систематизатора схоластики святого Фомы Аквинского, подвергнувшего критическому пересмотру одну из центральных идей христианства – спасения, достижимого сугубо через духовное совершенствование. Не покушаясь на доктринальный базис учения, теолог выдвинул фундаментальную концепцию, базирующуюся на допущении возможности обретения Божественной благо-

дати не только за счет нравственных усилий, но и благодаря земным деяниям человека, нацеленным на совершенствование социума. «Все живое стремится к лучшему, и в большей степени к этому стремится думающая личность», – писал Ф. Аквинский [49. Р. 93]. Иначе говоря, отныне человек превращался в движущую силу социально-экономического развития, а центральная формула патристики – «вера выше разума» – вытеснялась тезисом «знать, чтобы верить» [12. С. 416]. Таким образом, в собственном схоластике герменевтическом анализе начали просматриваться контуры принципа верификации фактов, лежащего в основе научного познания окружающей реальности, являющегося одним из базовых элементов эры «модерна».

Впрочем, для превращения подобного оптимистичного видения истории, согласно которому человечество «развивается от века к веку лучшему» [23. Р. 8], в доминирующий канон общественной мысли требовалось рассеивание пессимистичного *Zeitgeist* средних веков. Необходимые эмпирические компоненты для окончательного придания данной концепции антропоцентричного характера, когда развитие приобретает форму неуклонного движения вперед, а индивид получает право преобразовывать природу по своему собственному усмотрению, появились в эпоху Ренессанса и приняли массовый характер в Новое время. Рост городов и ремесленного производства в позднее Средневековье стимулировал развитие внешней торговли, которая, в свою очередь, создавала спрос на технологические новшества. Так, оснащение венецианскими кораблестроителями судов компасом и песочными часами позволило, по оценкам А. Мэддисона, «удвоить производительность судоходства» и осуществить трансферт таких восточных инноваций, как технологии переработки шелка, хлопка и варки стекла; португальцы во время подготовки к походу в Индию совершили качественный рывок в картографии и астрономии; голландцы освоили технологии массового производства судов, др. [47. Р. 21, 25]. Эти технические наработки положили начало Великим географическим открытиям, отнесенным А. Смитом к «важнейшим событиям во всей истории человечества» [15. С. 593]. Одним из главных результатов обнаружения Нового Света стал перенос на Европейский континент таких агрокультур, как картофель, куку-

руза, маис, томаты, подсолнечник и табак, уменьшавших глубину мальтузианской ловушки. Значимость «Колумбова обмена» для европейцев убедительно подтверждают данные ученых Гарвардского и Стэнфордского университетов Н. Нунна и Н. Цянь, по расчетам которых только внедрение картофеля обеспечило 12%-ный прирост населения и увеличение уровня урбанизации Старого Света на 47% [51. Р. 170].

В не меньшей степени ускорению темпов экономического развития Западной Европы, заложившего основы превращения прогрессистской модели в преобладающую точку зрения на логику экономико-исторического процесса, способствовал количественный и качественный рост знаний. Дело в том, что в условиях перманентных конфликтов между державами Старого Света за контроль над заокеанскими владениями одним из основных объектов для приложения капиталов, аккумулировавшихся в руках европейского купечества в результате товарообменных операций с другими участниками складывавшегося мирового хозяйства, становилась обрабатывающая и, в особенности, военная промышленность. Скажем, в Англии в 1535–1537 гг. доля военных расходов в общей структуре затрат государственного бюджета составляла в среднем 29,4%, а в 1685–1813 гг. достигла невероятных 74,6% [30]. Потребность в мобилизации значительных финансовых ресурсов для ведения боевых действий, помимо резкого ускорения процессов политической централизации и становления более совершенной фискальной системы, вызвала к жизни всемерную поддержку государством науки, необходимой для наращивания производства готовых изделий и обслуживания, говоря современным языком, потребностей военно-промышленного комплекса. Например, изначально круг исследований созданного в 1662 г. Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе охватывал исключительно проблемы картографии, кораблестроения и военного дела [55. Р. 94].

Общим лейтмотивом эпохи, в которой «на смену церковному времени пришло время купцов» [54. Р. 209], можно назвать известный афоризм Ф. Бэкона: «знание – сила». В отличие от традиционалистов, видевших в истории процесс постепенной утраты человечеством Богооткровенных истин, «отец эмпиризма» выдвинул концепцию непрерывного приращения знаний, а бурное

развитие техники вкупе с открытием Нового Света сформировали представление о существовании бесконечного пространства для приложения разума. Основной задачей науки английскому философу мыслилось «обеспечение человеческой жизни новыми изобретениями и богатствами» [25. Р. 31]. Опираясь на этот методологический принцип, ученый провозгласил максимум – «истина есть дочь времени», констатирующую тотальное превосходство будущего над прошлым в плане возможности обретения новых способов получения знаний и информации [33. Р. 89]. Идея прогресса нашла дальнейшее развитие в трудах выдающегося математика Р. Декарта (1596–1650 гг.), предложившего людям познавать законы природы и господствовать над ней, тем самым максимизируя свое счастье [59. Р. 135]. В его концепции окружающий мир уподобляется мастерской для человеческого творчества, своеобразному механизму, «который необходимо разобрать, чтобы лучше понять и использовать» [23. Р. 9]. Как итог, Вселенная становится десакрализованным галилеевским миром, чистым объектом для познания человеком-субъектом, в котором формируется онтологический базис новой, научно-технической ментальности, окончательно укоренившейся в странах Запада с началом Промышленной революции.

Формировавшееся под воздействием постепенного растекания процессов индустриализации ощущение грядущего перехода к принципиально новому типу общественного устройства задавало интеллектуальный тон началу Нового времени и, в особенности, XVIII столетию. Ключевой методологической задачей мыслителей эпохи Просвещения выступало выведение из сложившейся в предшествующие десятилетия веры в поступательную эволюцию человеческого разума четких законов общественного развития, призванных пролить свет на «маршрут движения человека, гарантирующего его приход в нужную точку» [25. Р. 96]. По большому счету, ученым предстояло поднять «область применения» данной концепции с уровня конкретного индивида до всего социума и создать комплексную рационалистическую теорию прогресса, охватывающую как общественное, так и индивидуальное развитие. Если учесть, что материализм Ф. Бэкона и Р. Декарта все еще носил выраженный метафизический характер, то первым, кому удалось систематизировать воедино разнород-

ные компоненты для возведения здания новой окончательно вышедшей из-под религиозной опеки парадигмы истории, стал Ж. Тюрго, разграничивший природу с характерным для нее круговоротом явлений и социум как пространство постоянных изменений и новизны. Поместив человека в динамичную социально-историческую среду, французский исследователь предпринял попытку доказать, что людская сущность совершенствуется по мере восхождения по ступеням прогресса. При этом ученый полагал, что с момента своего возникновения человечество представляет собой гомогенную сущность, развивающуюся по универсальным правилам, последовательно проходящую четыре стадии, каждой из которых свойственен свой набор институтов и нравственных ценностей [39. Р. 131]. Опираясь на этот принцип, Ж. Тюрго сформулировал свой знаменитый исторический закон прогресса: «вся масса человеческого рода ... всегда шествует, хотя медленными шагами, ко все большему совершенству» [4. С. 29], а основным двигателем, обеспечивающим переход от одного уклада к другому, провозглашались «инновации в искусствах и, особенно, в науке» [39. Р. 131].

Очередной всплеск интереса ученых к изучению проблематики социально-экономического прогресса возник во второй половине XX столетия, совпав с необходимостью восстановления порушенной в ходе Второй мировой войны экономики европейских стран и обустройства распавшейся колониальной системы. Эти обстоятельства поставили на повестку дня западного обществоведения сдвоенную задачу отстройки теоретического базиса программы ускоренного перехода от традиционности к современности и выработки научной антитезы марксистскому формационному подходу, призванной сдерживать распространение идей «реального социализма» в государствах Третьего мира. Несмотря на нередко диаметрально противоположные идеологические позиции авторов, разрабатывавших новую, «практикоориентированную» парадигму хозяйственного строительства для «отстающей» периферии мирового хозяйства, методологическим стержнем гуманитарного дискурса 1950–1970-х годов стало «полностью новое, оптимистичное видение будущего» [43. Р. 60]. Значительный вклад в зарождение данной концепции внесли Р. Арон, Д. Белл, Е. Домар, Г. Канн, К. Кларк, У. Ро-

стоу, Р. Солоу, У. Тоффлер, Р. Харрод и др. Ее отличал в большинстве своем жесткий технологический детерминизм, сводивший все аспекты развития к индустриализации и подготовке к ее развертыванию.

В русле подобного подхода теоретическая мысль третьей четверти XX столетия рассматривала выход экономики на траекторию индустриального роста в качестве главной цели развития, а следование западному «эталону» провозглашалось неперенным атрибутом успешного прохождения всех «стадий экономического роста». В концентрированном виде эта идея нашла выражение в работах профессора Сорбонны Р. Арона, полагавшего, что в современных условиях «в экономическом и социальном плане все страны и все нации во всех географических широтах претендуют на то, чтобы видеть перед собой одну и ту же цель на основе схожих ценностей ... индустриализация неизбежна, ибо стремится к универсализации» [44. Р. 16]. Схожего, техноцентричного видения механизмов социально-экономического развития придерживался С. Кузнец, неоднократно подчеркивавший, что «со второй половины XIX века основным источником экономического роста в развитых странах стала наукоемкая технология». Ему вторил ученик В.В. Леонтьева Р. Солоу, автор неоклассической модели экономического роста, в рамках которой технологиям отводилась роль генератора хозяйственного прогресса «в равной степени в Бразилии, на Тайване и в Португалии». С интегральным критерием развитости, под которым в первую очередь понимается уровень жизни людей, единодушно согласны практически все исследователи. На его зависимость от характера взаимодействия технологических инноваций и капитала предельно образно указал другой Нобелевский лауреат П. Самуэльсон: «с развитием технологий и повышением уровня капиталовооруженности только дьявол может остановить процессы повышения реальных доходов населения... тот, кто не понимает этого, не поймет основ экономической истории и то, как она на самом деле творилась» [32. Р. 140].

Между тем на стыке второго и третьего тысячелетий жизнеутверждающие теоретические конструкции, объективизировавшие поступательный характер общественного развития и возводившие прогресс в ранг светской религии, ставшей «рабочей верой современной

цивилизации» [31. Р. 191], в социально-экономических исследованиях уступили место пессимистичным концепциям. Так, профессор Тринити колледжа в Дублине Р. Хольтон определил задачу «нормализации кризиса» [18. Р. 4] основным референтом современного обществоведения. Сотрудник Гудзоновского института У. Пафф и вовсе провозгласил банкротство идеи социально-экономического развития, назвав прогресс «мертвой категорией» [57. Р. 155]. В мрачных тонах рисуется будущее профессору Мюнхенского университета У. Беку, по мнению которого техногенная цивилизация переродилась в «общество риска», главной отличительной чертой которого становится «радикальная неопределенность», где институты индустриальной эпохи – «наука, экспертные системы, государство, армия, призванные снижать риски, превращаются в их рассадники» [21. Р. 338]. Немецкому ученому вторит его английский коллега, классик современной социологии, профессор Кембриджского университета Э. Гидденс, обращающий внимание на резко возросшие с переходом к постиндустриализму трудности социогенного толка, к главным из которых отнесена увеличивающаяся неспособность правительственных институтов гарантировать людям «свободу от страха» [34], а профессор университета Лидса З. Бауман [1] и лауреат Нобелевской премии по экономике П. Кругман [10] обращают внимание на эрозию одного из основных завоеваний эры модернити – государства всеобщего благосостояния. Впрочем, далеко не все исследователи придерживаются подобных «депрессивных» воззрений на перспективы развития мирового хозяйства. Так, по мнению профессора Йельского университета И. Валлерстайна, для более корректного и всеобъемлющего анализа процессов эволюции глобальной экономики необходим не отказ, а переосмысление концепции «неизбежного прогресса», требующее ее очистки от архаичного представления, что «он (прогресс. – А.М.) имеет направленную траекторию... наиболее жизнеспособной является альтернативная модель социальных изменений, в которой нелинейные процессы, в конечном счете, достигают точки бифуркации» [63. Р. 264, 270].

С нашей точки зрения, причины подобного парадигмального сдвига следует искать в изменениях геоэкономической конфигурации мирового хозяйства, когда вслед за преодолением раскола мира на две антагонистические

системы начался постепенный процесс перемещения центра тяжести мировой экономики с Запада на Восток, принявший в 2000-е годы устойчивый характер. С одной стороны, в онтологическом плане крах мировой социалистической системы, в самом деле, привел к «концу истории», к представлению о том, что «современное западное общество, каким бы духовно бедным и бессмысленным оно ни было, тем не менее является единственно возможным» [23. Р. 15]. С другой стороны, технооптимисты переоценили значение информации как ресурса, на который будет существовать безграничный спрос, позволяющий странам-производителям ноу-хау сосредоточиться на развитии сугубо инновационных секторов своих экономик, передавая материализацию конечных продуктов на периферию глобального хозяйства. Так, за 1985–2008 гг. удельный вес США в мировом экспорте high-tech изделий снизился с 21 до 14%, Японии – с 18 до 8% [36], в то время как доля КНР за 1995–2006 гг. возросла с 2,1 до 16,9%, превзойдя аналогичный показатель ЕС-27 на 1,9% [65. Р. 1]. При этом, если китайская промышленность в 2009 г. поставила за рубеж продукции высоких технологий на 377 млрд дол., или 7,8% своего ВВП, то американская – только на 95 млрд дол., что составило 0,65% валового внутреннего продукта США. Кроме того, постиндустриализация, изначально рассматривавшаяся как превращение знаний в непосредственную производительную силу, вылилась в мутацию хозяйственных систем развитых стран не столько в информационные, сколько в сервисные сферы. Так, в 2009 г. на операции с недвижимостью приходилось 13,2% ВВП США, в то время как на производство компьютеров, автомобилей и других транспортных средств – впятеро меньше, или 2,6% [60. Р. 437]. Впрочем, превратившись в новую «мастерскую мира», Юго-Восточная Азия так и не обрела технологической независимости: по данным на 2009 г., например, 82% высокотехнологичного экспорта Поднебесной составили товары, созданные из импортированных компонентов и изобретений, разработанных в промышленно развитых державах [65. Р. 1]. Таким образом, в современной мировой экономике складывается парадоксальная ситуация, разрушающая привычные представления о прогрессе как процессе постоянного совершенствования производительных сил, когда «все большие выгоды получают не те,

кто создает новые технологии, а те, кто производит основанную на них продукцию» [7. С. 89]. Помимо этого, деиндустриализация обнажила целый пласт социально-экономических проблем, в частности: размывание среднего класса, являющегося опорой демократического устройства, увеличение уровня имущественной поляризации, рост долгового бремени, др. Неудивительно, что наиболее дальновидные исследователи видят выход из сложившегося тупика, вызванного затянувшейся «инновационной паузой», когда «действующие ТШП (технологии широкого применения. – А.М.) ... уже в основном исчерпали свои возможности как мотор экономического роста, а новые ТШП запоздали и пока не готовы взять на себя эту роль» [13. С. 9], в «радикальном изменении самого способа потребления, идущего рука об руку с трансформацией способа производства» [8. С. 36], которое должно вернуть понятию «прогресс» положительное наполнение. ■

Источники

1. Бауман З. От агоры к рынку – и куда потом? // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М., 2010.
2. Библия. Священное писание Нового Завета с иллюстрациями Гюстава Доре. К римлянам. 8: 30.
3. Бродский А.И. Синтаксис судьбы // ХОРА. 2008. № 4.
4. Галкин И.С. Историография Новой и Новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977.
5. Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005.
6. Зомбарт В. Буржуа. М., 1994.
7. Иноземцев В.Л. Воссоздание индустриального мира. Контуры нового глобального устройства // Россия в глобальной политике. 2011. Т. 9. № 6.
8. Кагарлицкий Б. Приключение левой идеи в мире капитала // Эксперт. 2011. № 1.
9. Кнабе Г.С. Современная Европа и ее антично-римское наследие. М., 2010.
10. Кругман П. Кредо либерала. М., 2009.
11. Маркс К., Энгельс Ф. ПСС. Т. 23. М., 1960.
12. Никулина Н.Н. Истоки идеи прогресса в творческом наследии европейских мыслителей Античности и Средневековья // Вестник МГТУ. 2011. Т. 14. № 2.
13. Полтерович В. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // Вопросы экономики. 2009. № 6.
14. Попов В.В. Пот, кровь и институты // Эксперт. 2012. № 19.
15. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2009.
16. Agar N. Humanity's End: Why We Should Reject Radical Enhancement. Cambridge (Mass.), 2010.
17. Agricultural Revolution in Medieval Europe. <http://www.flowofhistory.com/units/west/10/FC63>
18. Alexander J.A., Sztompka P. Introduction // Alexander J.A., Sztompka P. (Eds.). Rethinking Progress and Ideas at the End of the Twentieth Century. London, 1990.
19. Bairoch P. Cities and Economic Development: From the Dawn of the History to the Present. Chicago, 1988.
20. Barlett B. How Excessive Government Killed Ancient Rome // The Cato Journal. 1994. Fall. Vol. 14. No. 2.
21. Beck U. Living in the World Risk Society // Economy and Society. 2006. Vol. 35. No. 3.
22. Behringer W. A Cultural History of Climate. Cambridge, Malden (Mass.), 2010.
23. Benoist A. de. A Brief History of Idea of Progress // The Occidental Quarterly. 2008. Vol. 8. No. 1.
24. Brockway R.W. Myth: From the Ice Age to Mickey Mouse. Albany, 1993.
25. Bury J.B. The Idea of Progress: An Inquiry into Its Origin and Growth. New York, 2008.
26. Cascio E.L., Malanima P. Ancient and Pre-Modern Economics : GDP in Roman Empire and Early Modern Europe. http://www.paolomalanima.it/DEFAULT_files/Papers/ANCIENT-PRE-MODERN-ECONOMIES.pdf
27. Chippola C.M. Before the Industrial Revolution. European Society and Economy: 1000-1700. London, 1981.
28. Dols M.W. Plague in Early Islamic History // Journal of the American Oriental Society. 1974. Vol. 94. No. 3.
29. Eisenstadt S.H. Modernization, Protest and Change. Eaglewood Cliffs. 1966.
30. Eloranta J. Military Spending Patterns in History. <http://eh.net/encyclopedia/article/eloranta.military>
31. Farrow B. The Ascension and Ecclesia: On the Significance of the Doctrine of the Ascension for Ecclesiology and Christian Cosmology. Edinburgh. 1999.
32. Galbraith J.K., Conceição P. Toward a New Kuznets Hypothesis: Theory and Evidence on Growth and Inequality // Galbraith J.K., Berner M. (Eds.). Inequality and Industrial Change: A Global View. Cambridge, 2001.
33. Gaukroger S. Francis Bacon and the Transformation of Early Modern Philosophy. Cambridge, 2001.
34. Giddens A. The Third Way: A Renewal of Social Democracy. Cambridge, 1998.
35. Giersberg S. "I Have Seen the Things Under the Sun; All of Them Are Meaningless; A Chasing After the Wind": Onetti and Ecclesiastes // Roman G.S. (Eds.). Onetti and Others: Comparative Essays on a Major Figure in Latin American Literature. Albany, 1999.
36. Globalization of Science and Engineering Research. A Companion to Science and Engineering Indicators 2010. <http://www.nsf.gov/statistics/nsb1003/>
37. Goldsmith R.W. An Estimate of the Size and Structure of the National Product of the Early Roman Empire // Review of Income and Wealth. 1984. Vol. 30.
38. Ham A. Madrid: City Guide. 2006.
39. Heffernan M. Historical Geographies of the Future: Three Perspectives from France, 1750-1825 // Livingstone D.N., Withers V.J. (Eds.). Geography and Enlightenment. Chicago, 1999.
40. Ho P. (Eds.). Leapfrogging Development in Emerging Asia: Caught Before Greening and Pollution. New York, 2008
41. Howe J. Forging Dragons. Cincinnati, 2008.
42. Hunt E.J. Christianity in the Second Century: The Case of Tatian. London, 2003.
43. Iggers G.G. The Idea of Progress in Historiography and Social Thought Since the Enlightenment // Almond G.A., Chodorow M., Pearce R.H. (Eds.). Progress and Its Discontents. Berkley, 1982.
44. Inozemtsev V.L. Catching Up: The Limits of Rapid Economic Development. New Brunswick (NJ), 2009.
45. Kremer M. Population Growth and Technological Challenge: One Million B.C. to 1990 // The Quarterly Journal of Economics. 1993. Vol. 108. Issue 3.
46. Maddison A. Contours of the World Economy, 1-2030 A.D. Essays in Macroeconomic History. Oxford, 2007.
47. Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. Paris, 2001.
48. Nicolle D. Carolingian Cavalrymen, AD 768-987. Oxford, New York, 2005.
49. Nisbet R. History of the Idea of Progress. New Brunswick (NJ.), 1994.
50. North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. The Natural State: The Political Economy of Non-Development. <http://www.international.ucla.edu/cms/files/perg.north.pdf>
51. Nunn H., Qian N. The Columbian Exchange: A History of Disease, Food and Ideas // Journal of Economic Perspectives. 2010. Vol. 24. No. 2.
52. Popov V. Why the West became Rich before China and Why China Has Been Catching Up With the West Since 1949: Another Explanation of the "Great Divergence" and the "Great Convergence" Stories // CEFIR/NES Working Paper Series. 2009. No. 132.
53. Ringrose D.R. Madrid and the Spanish Economy, 1560–1850. Berkley, Los Angeles, 1983.
54. Postone M. Time, Labor and Social Domination: A Reinterpretation of Marx's Critical Theory. Cambridge, 1993.
55. Rogers E.M. Diffusion of Innovations. New York, 1983.
56. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960.
57. Salomon J.-J. The Dark Side of Progress // Allen G.E., MacLeod R.M. (Eds.). Science, History and Social Activism: A Tribute to Everett Mendelsohn. Dordrecht, 2001.
58. Schield W., Frien S. The Size of the Economy and the Distribution of Income in the Roman Empire // Princeton/Stanford Working Papers in Classics. 2009.
59. Schouls P.A. Descartes and the Enlightenment. Kingston, 1989.
60. Statistical Abstract of the United States 2012. Washington D.C.: Government Printing Office, 2012.
61. The Faith in Progress. <http://home.ie.cuhk.edu.hk/~wyng/gee/progress.html>
62. Verbeke G. Ethics and Logic in Stoicism // Osler M.J. (Eds.). Atoms, Pneuma and Tranquility: Epicurean and Stoic Themes in European Thought. Cambridge, 1991.
63. Wallerstein I.M. Unthinking Social Sciences: The Limits of Ninetenth Century Paradigms. Philadelphia, 2001.
64. White L. Medieval Technology and Social Change. Oxford, 1962.
65. Yuqing X. China's High-Tech Exports: Myth and Reality // GRIPS Discussion Paper 11-05. June 2011.

References

1. Bauman Z. From the agora to the market – and where next? [Ot agori k rynku – i kuda potom?]. *Demokratiya i modernizatsiya – Democracy and Modernization*, Moscow, 2010.
2. The Holy Bible. The Scripture of the New Testament. To the Romans. 8: 30. [Bibliya. Svyashchennoye pisanie Novogo Zaveta s illyustratsiyami G. Dore. K rimlyanam. 8: 30].
3. Brodskiy A.I. The Syntax of destiny. [Sintaksis sudby]. KhORA, 2008, no. 4.
4. Galkin I.S. Historiography of Modern and Contemporary History of Europe and America. [Istoriografiya Novoy i Noveyshey istorii stran Evropy i Ameriki]. Moscow, 1977.
5. Gaydar Ye.T. Long time. Russia in the world: Essays on the economic history. [Dolgoe vremya. Rossiya v mire: ocherki ekonomicheskoy istorii]. Moscow, 2005.
6. Sombart W. Der Bourgeois. [Burzhua]. Moscow, 1994.
7. Inozemtsev V.L. Recreating the industrial world. The contours of a new global order. [Vossozdanie industrialnogo mira. Kontury novogo globalnogo ustroystva]. *Rossiya v globalnoy politike – Russia in the Global Politics*, 2011, no. 6, vol. 9.
8. Kagarlitskiy B. The adventure of a left idea in the world of capital. [Prikluchenie levoy idei v mire kapitala]. *Ekspert – Expert*, 2011, no. 1.
9. Knabe G.S. Modern Europe and its Antique and Roman heritage. [Sovremennaya Evropa i eyo antichno-rimskoe nasledie]. Moscow, 2010.
10. Krugman P. The Liberal's credo. [Kredo liberala]. Moscow, 2009.
11. Marx K., Engels F. Compete works. [Polnoye sobranie sochineniy]. Vol. 23. Moscow, 1960.
12. Nikulina N.N. The origins of the idea of progress in the artistic heritage of European thinkers of Antiquity and the Middle Ages. [Istoki idei progressa v tvorcheskoy nasledii evropeyskikh mysliteley Antichnosti i Srednevekovya]. *Vestnik MGTU – Herald of MSTU*, 2011, no. 2, vol. 14.
13. Polterovich V. The hypothesis of innovation pause and modernization strategy. [Gipoteza ob innovatsionnoy pauze i strategiya modernizatsii]. *Voprosy ekonomiki – Economic Issues*, 2009, no. 6.
14. Popov V.V. Sweat, blood and institutions. [Pot, krov' i instituty]. *Ekspert – Expert*, 2012, no. 19.
15. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. [Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov]. Moscow, 2009.
16. Agar N. Humanity's End: Why We Should Reject Radical Enhancement. Cambridge (Mass.). 2010.
17. Agricultural Revolution in Medieval Europe. Available at: www.flowofhistory.com/units/west/10/FC63
18. Alexander J.A., Sztompka P. Introduction. Rethinking Progress and Ideas at the End of the Twentieth Century. London, 1990.
19. Bairoch P. Cities and Economic Development: From the Dawn of the History to the Present. Chicago, 1988.
20. Barlett B. How Excessive Government Killed Ancient Rome. *The Cato Journal*, 1994, Fall, vol. 14, no. 2.
21. Beck U. Living in the World Risk Society. *Economy and Society*, 2006, vol. 35, no. 3.
22. Behringer W. A Cultural History Of Climate. Cambridge, Malden (Mass.). 2010.
23. Benoist A. de. A Brief History of Idea of Progress. *The Occidental Quarterly*, 2008, vol. 8, no. 1.
24. Brockway R.W. Myth: From the Ice Age to Mickey Mouse. Albany, 1993.
25. Bury J.B. The Idea of Progress: An Inquiry into Its Origin and Growth. New York, 2008.
26. Cascio E.L., Malanima P. Ancient and Pre-Modern Economics : GDP in Roman Empire and Early Modern Europe. Available at: www.paolomalanima.it/DEFAULT_files/Papers/ANCIENT-PRE-MODERN-ECONOMIES.pdf
27. Chippola C.M. Before the Industrial Revolution. European Society and Economy: 1000-1700. London, 1981.
28. Dols M.W. Plague in Early Islamic History. *Journal of the American Oriental Society*, 1974, vol. 94, no. 3.
29. Eisenstadt S.H. Modernization, Protest and Change. Eaglewood Cliffs. 1966.
30. Eloranta J. Military Spending Patterns in History. Available at: <http://eh.net/encyclopedia/article/eloranta.military>
31. Farrow B. The Ascension and Ecclesia: On the Significance of the Doctrine of the Ascension for Ecclesiology and Christian Cosmology. Edinburgh. 1999.
32. Galbraith J.K., Conceição P. Toward a New Kuznets Hypothesis: Theory and Evidence on Growth and Inequality. *Inequality and Industrial Change: A Global View*. Cambridge, 2001.
33. Gaukroger S. Francis Bacon and the Transformation of Early Modern Philosophy. Cambridge, 2001.
34. Giddens A. The Third Way: A Renewal of Social Democracy. Cambridge, 1998.
35. Giersberg S. "I Have Seen the Things Under the Sun; All of Them Are Meaningless; A Chasing After the Wind": Onetti and Ecclesiastes. Onetti and Others: Comparative Essays on a Major Figure in Latin American Literature. Albany, 1999.
36. Globalization of Science and Engineering Research. A Companion to Science and Engineering Indicators 2010. Available at: www.nsf.gov/statistics/nsb1003/
37. Goldsmith R.W. An Estimate of the Size and Structure of the National Product of the Early Roman Empire. *Review of Income and Wealth*, 1984, vol. 30.
38. Ham A. Madrid: City Guide. 2006. P. 26.
39. Heffernan M. Historical Geographies of the Future: Three Perspectives from France, 1750-1825. Geography and Enlightenment. Chicago, 1999.
40. Ho P. (Eds.). Leapfrogging Development in Emerging Asia: Caught Before Greening and Pollution. New York, 2008.
41. Howe J. Forging Dragons. Cincinnati, 2008.
42. Hunt E.J. Christianity in the Second Century: The Case of Tatian. London, 2003.
43. Iggers G.G. The Idea of Progress in Historiography and Social Thought Since the Enlightenment. Progress and It's Discontents. Berkley, 1982.
44. Inozemtsev V.L. Catching Up: The Limits of Rapid Economic Development. New Brunswick (NJ), 2009.
45. Kremer M. Population Growth and Technological Challenge: One Million B.C. to 1990. *The Quarterly Journal of Economics*, 1993, vol. 108, Iss. 3.
46. Maddison A. Contours of the World Economy, 1-2030 A.D. Essays in Macroeconomic History. Oxford, 2007.
47. Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. Paris, 2001.
48. Nicolle D. Carolingian Cavalrymen, AD 768-987. Oxford, New York, 2005.
49. Nisbet R. History of the Idea of Progress. New Brunswick (NJ). 1994.
50. North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. The Natural State: The Political Economy of Non-Development. Available at: www.international.ucla.edu/cms/files/perg.north.pdf
51. Nunn H., Qian N. The Columbian Exchange: A History of Disease, Food and Ideas. *Journal of Economic Perspectives*, 2010, vol. 24, no. 2.
52. Popov V. Why the West became Rich before China and Why China Has Been Catching Up With the West Since 1949: Another Explanation of the "Great Divergence" and the "Great Convergence" Stories. *CEFIR/NES Working Paper Series*, 2009, no. 132.
53. Ringrose D.R. Madrid and the Spanish Economy, 1560-1850. Berkley, Los Angeles, 1983.
54. Postone M. Time, Labor and Social Domination: A Reinterpretation of Marx's Critical Theory. Cambridge, 1993.
55. Rogers E.M. Diffusion of Innovations. New York, 1983.
56. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960.
57. Salomon J-J. The Dark Side of Progress. Science, History and Social Activism: A Tribute to Everett Mendelsohn. Dordrecht, 2001.
58. Schiold W., Frien S. The Size of the Economy and the Distribution of Income in the Roman Empire. Princeton, Stanford Working Papers in Classics. 2009.
59. Schouls P.A. Descartes and the Enlightenment. Kingston, 1989.
60. Statistical Abstract of the United States 2012. Washington D.C.: Government Printing Office. 2012.
61. The Faith in Progress. Available at: <http://home.ie.cuhk.edu.hk/~wyng/gee/progress.html>
62. Verbeke G. Ethics and Logic in Stoicism. Atoms, Pneuma and Tranquility: Epicurean and Stoic Themes in European Thought. Cambridge, 1991.
63. Wallerstein I.M. Unthinking Social Sciences: The Limits of Ninetenth Century Paradigms. Philadelphia, 2001.
64. White L. Medieval Technology and Social Change. Oxford, 1962.
65. Yuqing X. China's High-Tech Exports: Myth and Reality. *GRIPS Discussion Paper* 11-05, June 2011.